

И вдруг—глубокое молчанье
 Прервалъ глухой, протяжный гулъ,
 Какъ будто крылья размахнулъ
 Орелъ на бранное призванье,
 Иль раздалось издалика
 Рыканье тигра роковое,
 Который билъ, отъ злобы воя,
 Громады знойнаго песка.
 То былъ Отелло, мрачный, дикій,
 Вошедшій медленно въ покой, —
 Бродящій съ страшною улыбкой
 Вокругъ страдальцы молодой.
 Внезапный шумъ во мракѣ ночи
 Тогда извлечь ее отъ сна:
 Поднявъ чело, открывши очи,
 Невинной роскоши полна,
 Еще съ печатью сновидѣній
 На отуманенномъ челѣ,
 Полна тоски и наслажденій,
 Какъ юный ангелъ на землѣ,
 Она глядитъ — и видитъ... Боже!
 Свирѣпый, блѣдный, какъ злодѣй,
 Бросая мутный взоръ на ложе,
 Стоитъ Отелло передъ ней —
 Отелло съ сталью обнаженной,
 Отелло съ молніей въ очахъ,
 Отелло съ громомъ на устахъ:
 «Погибель женщинѣ презрѣнной!..»
 Блѣдна, какъ смерть, она встаетъ —
 Бѣжить, но онъ рукой желѣзной
 Предупреждаетъ бесполезный
 И поздновременный уходъ:
 Безсильную, полуживую,
 Ожесточенный не щадить,
 И вспать онъ жертву молодую
 На ложе брачное влачить...
 Напрасны слезы и моленья;
 Напрасно, въ власти у врага,
 Станъ, полный нѣги, наслажденья,
 Вился и бился какъ волна...
 Не слышитъ онъ ея стenanья:
 Онъ душитъ мощною рукой
 Красу подлуннаго созданья,